Народ 1 (2(15).4.1906), стр. 1

Вышли изъ печати въ удешевленномъ изданіи

Духовно-музыкальныя сочиненія

Турчанинова,

подъ редакціей Кастальскаго

Впервые отпечатанъ 5-й выпуск

„РАЗЛИЧНЫЯ ПѢСНОПѢНІЯ"

цѣна наличными и только по 40 к. с.

№ 2-й газеты „Народъ" выйдетъ 5-го апрѣля.

От редакціи.

Въ ближайшихъ номерахъ будутъ напечатаны слѣдующія статьи: **Вячеславъ Ивановъ.** Мѣщанинъ или антихристъ? (о „Грядущемъ Хамѣ» Мережковскаго). **Его-же.** Искусство и церковь. **Н. Бердяевъ.** Демократія и христіанство. **И. И. Вернеръ.** Э. Ренанъ. „Жизнь Іисуса". **Проф. Прѣсняковъ.** Нашъ церковный вопросъ. **В. Ф. Эрнъ.** Церковь мистическая и церковь историческая.

Пасхальныя думы.

I

Под звонъ колоколовъ, при ликовании природы и людей, въ величайшій изъ христіанскихъ праздничанья начинаемъ мы свое скромное дѣло. Снова празднуетъ христіанскій міръ окончательную побѣду добра надъ зломъ, жизни надъ смертью, творческой, возсозидающей любви надъ разлагающей враждой, и эту побѣду, совершенную Богочеловѣкомъ и навсегда спасшую міръ и людей, празднуетъ онъ, какъ залогъ и предваренье вѣчнаго, мірового воскресенья и преображенія твари. И предваряя вѣрой окончательное торжество, онъ переживает и теперь как осуществляющийся уже факт, как осияние света в окружающей нас тьме, как возгорающуюся любовь и радость ея среди царства вражды и раздора. Воскресшій Христосъ и донынѣ воскресаетъ и въ душѣ каждаго человѣка, и въ душѣ народовъ, и яркое сіяніе Воскресшаго, врываясь въ ночную тьму, не только слѣпитъ радостный глазъ, но и пронизываетъ ослѣпительнымъ свѣтомъ совѣсти тотъ мракъ, въ которомъ мы живемъ, освѣщаетъ ту Голгоѳу, которую мы создаемъ изъ міра. И пѣнье ангеловъ въ небѣ сливается съ хрипомъ и стонами, несущимися съ лобнаго мѣста. Въ день воскресенія мы не можемъ, пока мы живемъ, забыть о Голгоѳѣ и побѣдить Голгоѳу, не можемъ и не должны.

И радостно взволнованная, но вмѣстѣ и скорбная мысль невольно обращается къ земной Голгоѳѣ и къ тому, что ее окружаетъ, ее создаетъ: фанатическому синедріону, лѣнивому и равнодушному карьеристу Пилату, грубымъ воинамъ, дѣлящимъ хитонъ у подножія креста, и темному народу, въ ослѣпленіи вопіющему: „Распни, распни Его!" Какъ близки намъ теперь, въ Россіи, въ 1906 году, эти голгоѳскіе образы, какъ рѣжутъ и жгутъ они сердце, и не можетъ оно забыть о нихъ и въ день воскресенія, не можетъ, омертвелое отъ пережитаго, вполнѣ воскреснуть вмѣстѣ съ Воскресшимъ Христомъ; вмѣстѣ съ скорбной и смиренной Магдалиной стремясь на встрѣчу Воскресшему, оно полно думами и чувствами недѣли страстей Христовыхъ.

Въ какой одеждѣ встрѣчаемъ мы праздникъ любви? Грязныя, окровавленныя, трижды окровавленныя лохмотья, съ сумой голодныхъ, нищихъ, вдовъ и сиротъ за плечами, вотъ духовная одежда, какую мы имѣемъ, въ какой мы выходимъ навстрѣчу Воскресшему! Какихъ только мукъ не изобрѣтали мы для Него, какихъ преступленій не чинили надъ Нимъ въ тяжелую годину? Ибо вѣдь, кто сотворитъ что либо, доброе или злое, братіямъ Его, человѣчеству, Ему творитъ... Накормили ли мы голоднаго? Нѣтъ. Но грѣхами нашими, нашей общественной неправдой голодаетъ русская земля, голодаютъ жены, дѣти, старики, полные силъ работники. Насытили мы заключенныхъ въ темницахъ?.. Нѣтъ, но, напротивъ, мы перепол[illegible] эти темницы, хватая правого и виноватого, мы всю Россію превратили в какой то каторжный дом, дом помешанных от злобы. Россію мы сдѣлали [illegible] тюремщиковъ и заключенныхъ. [illegible] злобы. Россію мы еще истязаниям и унижениям заключенных. Совершили ли мы дела любви? Нет, но мы Россию залили кровью, осветили …… пожаров, наполнили ужасами междоусобицы. Мы всю Россию превратили в лобное место, где действует палач. все [illegible] любви, все [illegible] и снова распинаем [illegible] на немъ Христа, разстреливаем, наконец [illegible] наконецъ, [illegible] славу Божию и даже церковные власти налагают пастырям, [illegible] палагающимъ [illegible] осуждающим [illegible] печать молчанія на уста, слѣдуя примеру [illegible] своего знаменитаго духовнаго предшественника [illegible] Каиафы, изрекшему, [illegible] извѣстно, остающийся непререкаемым [illegible] и до сихъ для его духовныхъ дѣтей аргументъ въ защитѣ [illegible] смертной казни: „Лучше намъ, чтобы [illegible] один человѣкъ умеръ за людей, [illegible] чтобы весь мир [illegible] погибъ" (Іоан. [illegible]). Такіе мы христиане, так осуществляем [illegible] мы правду Христову в своей национальной жизни. Мы отравили самую [illegible] душу народную, которая теперь не [illegible] знает [illegible], кому и [illegible] чему верить [illegible] за кѣмъ [illegible] идти, где искать правды. Мы оболгали самую религию, превратив ее в [illegible] прислужницу силы. Мы оболгали правду права, приравняв ее праву сильнаго. [illegible] праву силу [illegible] Когда же [illegible] очнемся [illegible] отъ кровавого кошмара? [illegible] подчинимся [illegible] отяжелевший взор, чтобы увидеть [illegible] увидѣть воплотившуюся любовь, и „загорится" ли при этом сердце наше, как горело оно у апостолов, шедших в Эммаус, хотя и не узавших своего Спутника? Когда вступим мы на путь покаяния, личнаго и общественнаго, и [illegible] нагнаго, и въ скорби, униженіи, преступленіяхъ, почувствуемъ, что „правда все та же" и только въ ней спасенье и личное, и національное, и историческое? Вѣдь нельзя же допустить, чтобы напрасно были посланы намъ эти страданья. Недаромъ страстная недѣля и Голгоѳа. Брезжитъ уже свѣтъ воскреснаго утра. Совершается и назрѣваетъ въ исторіи что-то [illegible] великое. Мы живем в атмосфере великих предчувствий, в атмосфере надвигающагося чуда... Мы переживаемъ и канунъ своего національнаго воскресенія. Совершится, рано или поздно, это воскресеніе, преобразивъ внѣшнія и внутреннія формы народа. Побѣдитъ же, наконецъ, русскій народъ своего дѣйствительнаго „внутренняго" врага, разобьетъ свою темницу, пробудитъ свое зачарованное, сонное царство, исполнятся давнишнія, свободолюбивыя и человѣколюбивыя мечты. Русскій народъ завоюетъ и получитъ свою свободу, устроитъ свой бытъ на христіанскихъ, а не мусульманскихъ, не на турецкихъ началахъ, на которыхъ онъ теперь основывается. Только этого мало, настолько мало, что если бы рѣчь шла только объ этомъ, насъ не вдохновляла бы, хотя и радовала бы эта перспектива. Но не этого только ждемъ мы отъ русскаго народа. За зарей свободы мы прозрѣваемъ новую, нездѣшнюю зарю. Мы чаемъ, что освобожденный отъ внѣшней кабалы и духовной опеки, нашъ народъ осуществитъ свое высшее, *религіозное* призваніе, скажетъ невѣдомое слово, слово спасенія міру. Мы попрежнему раздѣляемъ вѣру Достоевскаго и Соловьева, что народъ нашъ, этотъ погромный хулиганъ звѣриваго образа, погрязающій въ смрадномъ грѣхѣ, есть все-таки народъ-богоносецъ, и имѣетъ свою важную и опредѣленную задачу въ міровой исторіи въ планѣ мірового спасенія. Пусть будетъ отваленъ отъ гроба тяжелый камень, не выпускающій ни мертваго, ни живого, и откуда выйдетъ четырехдневный, смердѣвшій, но воскресшій Лазарь навстрѣчу своему Господу. Этой вѣрой воодушевляется нашъ патріотизмъ, осмысливаются современныя историческія событія, освободительное движеніе, начинающееся раскрѣпощеніе русской церкви, все, все. И эти религіозныя чаянія согрѣваютъ жизнь и освящаютъ для насъ повседневную борьбу и работу.

Воскресни же, Христосъ, въ Твоемъ народѣ, осіяй правдой Твоей тьму злобной вражды человѣка къ человѣку, племени къ племени, расточи враговъ дѣла Твоего, изпепели нашу дряблость и холодное равнодушіе, воспламени и сожги сердца наши огнемъ Твоимъ. Ей, гряди, Господи Іисусе!

С. Булгаковъ.

II.

Подлинная религіозная правда воспринимается современнымъ трезвымъ сознаніемъ, похолодѣвшимъ и состарившимся, какъ золотой сонъ юности, какъ далекое тепло дѣтски-радостнаго утра, милое, дорогое воспоминаніе, отраженное розовое сіяніе давно угасшаго свѣта наивной цѣльности, наивной прелести ребяческихъ грезъ. Для такого сознанія религія только поэтическая [illegible] [illegible] [illegible]